

Революционная законность

Александр Моисеевич Атабекян

1922

Уже несколько месяцев в советской печати идет обсуждение вопроса о „революционной законности“ и, понятно, торжествует *законность*, как в нравоучительных романах — *добродетель*. Но, к сожалению, в данном споре законность буквально торжествует над добродетелью — над „революционным сознанием или совестью“.

Казалось бы, о чем тут спорить: кто признает власть, тот беспрекословно должен исполнять и все ее веления. Но дело в том, что „революционное сознание или совесть“ тоже нашло свое законное выражение в декрете № 1 о народном суде, а так как совесть ужасная анархистка, пренебрегающая всякими государственными нормами, то отсюда и спор между защитниками *твердых законов* и сторонниками *непреклонной совести*.

Этот спор, несмотря на свою кажущуюся новизну, имеет свой *прецедент*, как выражаются правоведы, в буржуазной судебной практике. Если не ошибаюсь (я не юрист), по старым законам тоже мировым судьям предоставлялось право выносить постановления, руководствуясь не только буквой закона, но и голосом своей совести. По-видимому, на основании какой-нибудь подобной „неосторожной“ оговорки законодателя, во Франции, в 90-х годах прошлого века, мировой судья местечка Шато-Тьери по имени Маньян стал выносить приговоры по человеческой совести, чем вызвал переполох в буржуазной печати. Помнится такой случай: перед судом Маньяна предстала женщина, вдова, мать 4-х детей, без средств, за кражу хлеба у булочника. Судья, подробно обосновав свой приговор, нашел, что общество обязано доставлять пропитание всем своим членам, а потому вынес ей оправдательный приговор.

Буржуазная печать заволновалась, завопила о скандале, о нарушении незыблемости законов, о подрыве основ общества. В результате нескольких подобных решений дел по совести Маньян был отставлен от должности.

Вспоминается мне и другой случай, но уже из моей собственной судебно-медицинской практики. Дело происходило лет двадцать с лишним тому назад в Болгарии. Старшина одной затерянной в Балканах деревушки донес властям, что какая-то пришлая неизвестно откуда женщина разрешилась от бремени и удушила ребенка. Командировали следователя для производства дознания. Следователь пригласил меня, как исполнявшего должность околийского (уездного) врача в

качестве эксперта. Роженицу мы нашли на окраине деревни в полуразрушенной хижине, у которой одна стена совершенно обвалилась, — за занавеской из каких-то отрепьев. Трое детишек в возрасте от 6 до 10 лет, как спугнутые зверьки, тревожно разглядывали нас, прячась и выглядывая из-за угла строения. Женщина лежала на земляном полу, рядом — трупик младенца, едва прикрытый какой-то тряпкой. Вся утварь этой семьи состояла из деревянного корытца для теста и глиняного кувшина.

Впечатление было настолько потрясающим, что, когда во время вскрытия я стал умалчивать очевидные признаки убийства, чтобы представить дело в виде естественной смерти плода во время родов, при отсутствии надлежащей помощи, то следователь явно поддакивал мне и искренно был рад представившейся возможности прекратить дело.

Итак, к одному преступлению прибавилось еще два: укрывательство с моей стороны и потворство укрывательству со стороны следователя.

Другого пути не было для спасения нашей совести от *законности* — для того, чтобы государственное правосудие не отняло у детей более несчастную, чем преступную мать.

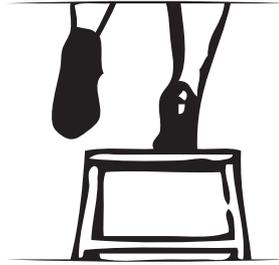
Теперь, когда читаешь объяснение автора декрета № 1 о революционном правосознании П. Стучки, что „мы это сделали“ (т.е. писали декрет) „по необходимости, но мы никогда не объявили это правосознание некоторым таинственным источником правды и справедливости“ [Изв. В.Ц.И.К. № 68 (1057) от 25/III 22 г.], то невольно страшно становится за правду и справедливость перед законностью, даже с прилагательным „революционная“.

И все-таки сторонники „революционной законности“ правы. Маньяны — исключение, и совесть судей по назначению, даже по выбору, — если этот выбор не производится самими тяжущимися сторонами, как в третейских судах, — куда как эластична, или тупа. Строгое соблюдение законов, без сомнения, предпочтительнее. Если законы не противоречат совести, как это случается иногда, то легче бывает добиться справедливости; в противном случае, определенно зная, откуда и какая грозит опасность, человек лучше может оградить от государственного правосудия свои интересы и свою совесть, как это мы сделали со следователем, умело обойдя закон.

Только не надо обманываться: законность, даже в сочетании со словом „революция“, не всегда совместима с совестью и справедливостью. Суд может стать неизменно *правым, скорым и дешевым* лишь в том случае, если он *третейский*, если он выбран самими тяжущимися сторонами. Но в таком случае он не может быть „законным“, т.е. считать своей обязанностью исполнение государственных законов.

Только отделение правосудия от государства может дать нам — не „революционную законность“, эти два понятия взаимно исключают друг друга, — а революционную справедливость.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Моисеевич Атабекян
Революционная законность
1922

Скопированно 24 июля 2018 из <http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/P/22-45.htm>

ru.theanarchistlibrary.org